

Законная тревога

В последнее время мне не раз приходилось слышать от некоторых членов нашего Движения выражение их чрезвычайной тревоги по поводу внешнего роста Движения. Считая этот рост естественным и желанным, они не могут с открытым сердцем радоваться ему. Их пугает связанный с этим рост внешней организации, обилие деловых заседаний, юридические нормы, регулирующие отношения разных инстанций. Пугает эта бюрократическая сложность не сама по себе, но в силу того, что она незаметно выдвигается на первый план, как бы отстраняет живые и личные отношения друг к другу. На место внутреннего внимания к личности другого, к ее запросам и особенностям часто подставляет чисто формальную сторону дела. Среди нас иногда можно даже услышать мнение, что мы уже сейчас незаметно перерождаемся в типичную общественную организацию, с хорошо налаженным «аппаратом», что мы делаем ныне ряд очень ценных и полезных дел, но что в нас все слабее и слабее тот пламень, то одушевление, которым были согреты первые годы Движения и силой которого жило и внутренне держалось оно. А ныне, вместо этой внутренней огневой устремленности ввысь – в нас так много деловитости и так мало горения, так много организационных перегородок и так мало подлинного единства. Мы мельчаем и утешаем себя внешним ростом Движения, мы убегаем от больших и ответственных задач, которыми было раньше оно одушевлено, к вопросам чисто внешнего роста, внешнего расширения. Мы живем еще и сейчас тем, что вдохновляло нас в прошлые годы, но живем как бы процентами с капитала; мы не идем вперед, а стоим на месте...

Я не хотел бы сейчас заниматься опровержением или анализом всех этих суждений, лишь частично справедливых, а в целом – неверных и близоруких, но хотел бы остановиться на самой тревоге, которой заполнены некоторые члены Движения, давно и горячо живущие им. И прежде всего мне хочется сказать, что эта тревога совершенно законная, что она отмечает совершенно реальную опасность, все серьезнее надвигающуюся на нас.

Отрицать реальность и серьезность этой опасности, не придавать никакого значения всему тому, что тревожит некоторых из нас – было бы легкомыслием. Да, мы все больше, все определеннее вступаем в нашей жизни на путь усложнения нашей организационной стороны, мы все больше нуждаемся в той налаженности нашего «аппарата», при которой он неизбежно механизмуется и сообщает нам известную бюрократичность. Мы даже не справляемся со всей работой, лежащей на центре. Если мы, обсудив тот или иной вопрос, принимаем какое-либо решение, то нередко проходит неделя – другая прежде чем все это будет изготовлено в точных формулах, напечатано на машинке и разослано на места. В августе прошлого года, когда центральный секретариат работал почти сплошь все время, запоздание в рассылке протоколов известного совещания 27 июля вызвало ряд трудностей, победить которые было нелегко. Мы разбросаны чуть не по всему свету, переписка центра – у всех ответственных работников – приняла грандиозные размеры и приходится скорее сожалеть, что, за отсутствием средств, мы не можем расширить наш «аппарат».

Разве можно теперь отступить назад, ослабить нашу связь с далекой «провинцией», разве можно теперь сохранять в полноте те личные связи, которые умножились до чрезвычайности? Это очень ответственный момент в жизни нашего Движения. Мы вышли уже несколько лет назад на широкую дорогу, мы не только издаем свой журнал, но об нас постоянно появляются заметки, статьи в газетах. Нас зовут и нас ждут в разных местах, новые и новые задачи без конца встают перед нами. Неужели отказаться от этого? Посмотрите, что делается у нас в Париже на Montparnasse по воскресеньям и четвергам, когда густая толпа детей заполняет все помещения, когда тут же ждут родители, для которых нельзя не предложить какой-либо беседы, лекций и т.п. Попробуйте прекратить или даже затормозить это – хватит ли у вас сил на это? Не нашей волей, совершенно непреднамеренно мы стали одной из точек, куда устремляются с различными духовными, общественными нуждами, и в меру наших возможностей мы не можем не

удовлетворять их. Мы не живем, мы горим, пребывая непрерывно в напряжении. Но сознаем мы и то, что для духовной жизни, для подготовки молодежи к ответственной работе во имя Христово нужно духовное сосредоточение, молитвенная собранность, некая тишина.

Мы сознаем это, ищем этого каждый для себя и не раз с тоской чувствуем, что поток нашей же движенской жизни увлекает нас дальше, чем это допустимо по типу и темпу духовной работы, что мы расходуем все свои небольшие силы и можем в нужный для родины и Церкви час оказаться истощенными, без того драгоценного масла, без которого оказались «немудрые девы». И еще сознаем мы, кому вверено руководство Движением, что уход во внешнюю работу всегда и везде таил в себе опасность потускнения внутреннего делания, что нельзя нам не замечать этой опасности, преуменьшать ее или не придавать ей значения. Мы не живем в Движении для одного – двух лет работы, мы сознаем себя пионерами огромного общерусского дела и нельзя не думать о том, как охранить в себе не только любовь к делу и непритворное одушевление им, но и как, в соответствии с внешним ростом Движения, расти и внутренне. *Именно так и нужно формулировать основную трудность нашу.* Дело не в том, чтобы ослабить внешнюю нашу работу, а в том, чтобы она не обгоняла нашего внутреннего роста. Одной любви к Церкви, безграничной преданности ей, постоянного питания ее таинственной силой благодатной – мало; надо *расти*, надо в внутренней жизни двигаться так же напряженно и всецело, как и во внешней. Тревога, возникающая в душе нашей в связи с ростом Движения, этот именно вопрос и ставит: не к понижению или ослаблению работы Движения она зовет, но ставит задачи усиления и укрепления внутренней жизни в нас. Вся сложность этой задачи определяется однако тем, что дело идет о *внутреннем* росте, который весь покоится на свободном устремлении нашего духа, на чисто внутренней, можно сказать, интимной работе нашей души. Можно организовать общую работу в сфере религиозной *мысли*, помогая друг другу; можно помогать друг другу во всякой внешней

деятельности, но во внутреннем нашем росте, прежде всего, необходима моя собственная направленность, мое свободное решение, мое вольное устремление к труду над собой. Мне бесконечно могут помочь здесь другие люди, но не внешним чем-либо, а своей жизнью, своим тоже внутренним устремлением к Богу и еще своей молитвой за меня. И нельзя искать внутреннего роста своего – для того, чтобы не быть поглощенным внешними задачами, *ad gloriam* Движения. Внутренняя жизнь вся связана с любовью к Богу – бескорыстной, чистой, всецелой преданностью святыне ради ее правды, ради ее красоты. Поэтому, что-то *сделать* для того, чтобы внутренний рост в членах нашего Движения был сильным и неустанным – невозможно и ненужно. Перед лицом того внешнего роста Движения, который только в том случае не осуетит его, не ослабит внутреннего смысла, если этот внешний рост не будет обгонять нашей внутренней жизни – можно сказать себе одно: будем мы все, кто болеет этой тревогой, не дожидаясь других и не упрекая других в лени или беспечности – будем мы сами идти вперед, ожидая, что каждый на своем месте, путями, какие он сам найдет для себя, будет идти вперед и будем молиться друг о друге. Выдержим ли мы, выдержит ли Движение тот «экзамен», на который мы оказались призванными? тут невозможно ничего внешнего сделать, - и меньше всего можно считать себя выдержавшим экзамен, если просто убежать с экзамена. В проблеме, которая ныне во всем объеме встала перед нами, нет никакого внешнего решения, которое можно было бы провести в жизнь общими усилиями: перед нами задача, которую решит Движение, если каждый из нас будет ее решать для себя. Нам нужно лишь одно: сознать, что ни бросить нашего дела, ни пребывать в беспечности относительно внутренней жизни, страдающей от роста нашего дела, мы не можем. Мы можем лишь одно: в сознании нашей нищеты духовной искать помощи от Бога, неустанно внутренне жить о Господе и молитвенно помогать друг другу. Тревога, закрашаясь в наши сердца, как бы предупреждает о том, насколько труден

ныне наш путь. Да поможет же Господь каждому из нас и научит каждого, что ему делать, чтобы не погубить дела Божия.

В. В. Зеньковский